

ВГУЗУ «Украинская медицинская стоматологическая академия», г. Полтава

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЗНАЧЕНИЯ

Розглянуто можливості комунікативної моделі значення при системному описі функціонування одиниць лексико-семантичного поля партитивної лексики сучасної російської мови.

Ключові слова: *лексико-семантичне поле, партитивна лексика, комунікативна модель значення.*

Article deals with the possibilities of value communicative models in the system description of functioning units. Such as lexical-semantic field of the partitive lexis of the modern Russian language.

Keywords: *lexical-semantic field, partitive lexis, communicative model of value.*

Рассмотрены возможности коммуникативной модели значения при системном описании функционирования единиц лексико-семантического поля партитивной лексики современного русского языка.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, партитивная лексика, коммуникативная модель значения.*

Постановка проблемы. Отношения «часть – целое» охватывают объекты всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Представляется целесообразным за основу терминологических обозначений взять серию предложенных М.В. Никитиным наименований [3], но в несколько трансформированном виде согласно нашим представлениям об объёме данных понятий. Так, общее обозначение отношения «часть – целое» может аккумулироваться в терминах *партонимия, партонимические* отношения, обозначение понятия и имени части целого – в термине

партоним (от лат. *pars, partis f* – часть). В зависимости от свойства части по отношению к целому партоним имеет три разновидности: *партином*, *партитив* (сильные партонимы); *конгломератив* (слабый партоним).

Объектом настоящего исследования является партитивная лексика, которая объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о её системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций (232 ед.), идентификация которых осуществляется через идентификатор *часть целого* в значении “отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения” (например, *кусок*, *осколок*, *обломок*, *лоскут* – части твёрдого вещества; *капля*, *брызги*, *глоток* – части жидкого вещества; *выписка*, *отрывок*, *цитата* – части произведения искусства и т.д.). Совокупность сем, определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте “партитивность”, являющемся архисемой лексико-семантического поля партитивной лексики. ЛСП партитивной лексики является образцовой полевой структурой, так как обладает всеми её признаками [1, 2].

Как и в любой динамической структуре, в лексико-семантическом поле партитивной лексики наблюдаются «горизонтальные» (внутриполевые) и «вертикальные» (межполевые) семантические процессы, характерные для существования данного поля как микросистемы в лексико-семантической системе современного русского языка. Наш иллюстративный материал исчисляется в 10 тыс. примеров. Механизм функционирования конститuentов лексико-семантического поля партитивной лексики и взаимодействующих с ним единиц выявляется в работе на основе принципов коммуникативной модели значения [4, с. 157–159] через анализ семных модификаций в коммуникативном акте.

Целевая установка. Целью статьи является рассмотрение возможностей коммуникативной модели значения при системном описании

функционирования единиц лексико-семантического поля в современном русском языке.

Изложение основного материала. К регулярным и достаточно частотным проявлениям «горизонтальных» (внутриполевых) семантических процессов относятся синонимия, сравнение, внутриполевое варьирование ЛСВ.

Разные семантические типы квазисинонимов поля участвуют в имплицативных преобразованиях, следствием которых является нейтрализация родо-видовых и видо-видовых семантических различий в позиции актуализации архисемы “партитивность”. Например, ...*Как выплеснутая в воздух золотого чарка вина, что камушками, самоцветными брызгами горит в солнце, опадая каплями этими под ноги в грязь...* (А. Белый). Нейтрализуется компонент “разлетающийся от удара, всплеска, ветра”.

Как показал материал исследования, наибольшей интенсивностью семантических связей отличаются слова, находящиеся внутри лексико-семантических микрогрупп. На границах парцелл связи ослабевают, но остаются достаточно сильными для сохранения единства поля. Например, партитивы в сравнительном обороте: *Спокойной и уверенной любви не превозмочь мне к этой стороне: Ведь капелька новгородской крови Во мне – как льдинка в пенистом вине* (А. Ахматова).

Анализ внутриполевых семантических процессов варьирования ЛСВ поля партитивной лексики позволяет говорить о 2-х видах переносных употреблений. В первом случае лексемы соотносятся с референтами, принадлежащими к разным понятийно-тематическим микрогруппам ЛСП партитивной лексики (актуализируется архисема поля “партитивность” и определённый набор сем из состава значения), во втором случае лексемы соотносятся с референтами, не принадлежащими к референционным объектам данного поля (актуализируется определённый набор сем из состава значения без актуализации архисемы поля “партитивность”).

К переносным употреблением 1-го вида относятся 25 типов переносов значений, которые различаются по масштабу, направленности и частотности. Данные параметры регулируются языковыми потребностями анализируемой микроструктуры. Так, внутриварцеллярные переносы, осуществляющиеся посредством расширения значения, зафиксированы в рамках только двух ЛСМГ, представленных наиболее полно и разнообразно: «Часть предмета и/или монолитного вещества» и «Часть жидкого вещества». Например, перенос: часть продукта питания → часть любого монолитного вещества. *Средиземное море шевелится за **огрызками** колоннады, как солёный язык за выбитыми зубами* (И. Бродский). Актуальный смысл – “оставшиеся части, с неровными краями”.

Самыми регулярными и частотными из межварцеллярных переносных употреблений являются переносы направления «Части твёрдого, жидкого, пастообразного вещества, части капитала, невещественной субстанции, чувственно воспринимаемой человеком» → «Часть невещественной субстанции, воспринимаемой человеком в абстрактных образах» (43% всех переносов), достаточно регулярными переносными употреблением можно считать переносы направления «Части твёрдого, жидкого, пастообразного вещества» → «Часть газообразного вещества» (11% всех переносов), что связано с необходимостью заполнения семантических лакун за счёт соседних ЛСМГ. Например: *Прошлое моё разорвано на **кочки*** (В. Набоков); *Ветер рвал в **кочья** жирный дым* (К. Паустовский). Варцелла «Часть газообразного вещества» имеет также второй путь пополнения – центростремительный процесс, идущий через семное варьирование прямого и переносного значения. Соответственно, обратное направление данных семантических процессов не реализуется в связи с отсутствием в данных ЛСМГ узуальных, собственно принадлежащих им членов.

Несоразмерность частотности проявления семантических процессов также характерна для направления «Часть предмета и/или монолитного вещества» → другие ЛСМГ поля: если члены ЛСМГ «Часть предмета и/или

монолитного вещества» как главной, наиболее объёмной парцеллы поля активно осуществляют переносы значений во все другие ЛСМГ (88% всех переносов), то обратное направление представлено только одной линией «Часть жидкого вещества» → «Часть предмета и/или монолитного вещества» (например: *Тарелочные черепки **брызгами** разлетелись по углам комнаты* (К. Федин), что обусловлено самодостаточностью воспринимающей системы.

Переносные употребления 2-го вида являются переходным этапом к возникновению переносных значений партитивов, что характерно для центробежных процессов. Первым фактором в трактовке данного явления как переходного является его регулярный характер, вторым – возможность употребления партитивов этого вида для обозначения целых (нерасчленённых) объектов действительности. Анализируемый материал позволяет рассматривать переносы по форме, размеру, свойству вещества, статусу, прототипу, результату воздействия, коннотации, а также по группе данных признаков. Например, перенос по форме, размеру, свойству вещества: *В светлеющем просторе неба, который на глаз делался всё больше и глубже, дрожала чистой яркой **каплей** Венера* (И. Бунин). Актуальный смысл – “округлая, маленькая, яркая”.

Рассмотрим «**в е р т и к а л ь н ы е**» (межполевые) семантические процессы, в основу классификации которых положено два принципа: 1) направление действия процессов (центробежный и центростремительный процессы), 2) разделение условий номинации (прямая и переносная номинация). Межполевое варьирование партитивов и единиц взаимодействующих полей заключается в актуализации нового набора сем, обуславливающего экспликацию отдельного, самостоятельного значения.

Центробежный процесс I, связанный с семантическим варьированием прямого значения, идёт в двух направлениях:

- 1) по линии приобретения партитивами значения целостности (например: *Очень солёную кету можно предварительно*

отмочить целым куском в холодной воде (“Книга о вкусной и здоровой пище”); дополнительная сема – “целый предмет”);

- 2) по линии приобретения партитивами значения “составная часть целого” (например: *Целую локоть загорелый И лба кусочек восковой* (О. Мандельштам); речевая модификация семного конкретизатора “партитивная часть” в рамках семантического признака “часть целого”).

Центробежный процесс II, связанный с семантическим варьированием, сопровождающим перенос наименования, идёт по линии образования переносных значений. Анализ ЛСВ поля партитивной лексики даёт основание для установления по крайней мере четырёх направлений метафорического переноса, что позволяет выделить соответственно 4 типа переносных значений:

1. Перенос: неодушевлённый объект → человек. (Например: *Не крадущимся перешибленным зверем, – Нет, каменной глыбою Выйду из двери – Из жизни* (М. Цветаева). Дополнительная сема – “гордый, непреступный”)
2. Перенос: часть целого → количество. (Например: *Проходили камеру новички, ещё уберегшие крошки европейской свободы* (А. Солженицын). Дополнительная сема – “неопределённо малое количество”)
3. Перенос: часть целого → множество объектов действительности. (Например: *А вместе со мной, как снежная лавина, катился всё увеличивающийся ком доносов* (А. Вертинский). Дополнительная сема – “совокупность, неопределённое множество”)
4. Фразеологизация словосочетаний, содержащих в своём составе партитивную лексику. (Например: *Тяжело и обидно до слёз, Разрывается сердце на части* (Г. Умывакина). Значение – “нравственно страдать, мучиться”)

В основу классификации центростремительных процессов нами положен тот же принцип, что и при распределении по группам явлений центробежного характера. Так, в зависимости от того, в условиях прямой или переносной номинации осуществляются данные процессы, выделяются два вида центростремительных процессов: центростремительный процесс I, связанный с семантическим варьированием прямого значения, идёт по линии приобретения лексемами в коммуникативных актах значения партитивности; центростремительный процесс II, связанный с семантическим варьированием, сопровождающим перенос наименования, идёт по линии образования в речевых актах переносного партитивного значения. На основании анализа центростремительных семантических процессов I и II можно заключить, что данные процессы определяют: а) пересечение с периферийной областью ЛСП партитивной лексики, б) пересечение с ядерной областью ЛСП партитивной лексики.

Поскольку периферия поля разделяется на несколько зон, выделяется уровень периферийной глубины проникновения единиц. Так, пересекаются с зоной крайней периферии поля партитивной лексики конкретные семемы, в структуре значения которых сема “партитивность” является периферийной семой, способной актуализироваться в коммуникативном акте (группы лексических единиц, обозначающих объекты вещественной субстанции определённой конфигурации); наведённой семой в процессе коммуникации (отдельные лексические единицы в условиях прямой и переносной номинации, совокупительные существительные ЛСП количества, конституенты ЛСП образов множества); модифицированной семой в речевом акте (группы семем, обозначающих часть как составной элемент целого). Например: *Ветер срывал с воды клубы пара и уносил их в сторону, на холм* (В. Губарев). Усилена ядерная сема “шаровидное очертание” и актуализирована периферийная сема “партитивность”.

Пересекаются с ядерной областью ЛСП партитивной лексики абстрактные семемы, в структуре значения которых сема “партитивность”

является наведённой семой в процессе коммуникации (периферийный элемент ЛСП количества *доза* в условиях переносной коммуникации); модифицированной семой в речевом акте (периферийные элементы ЛСП количества *половина, треть, четверть*). Например: *Он ударил кулаком по столу, кусок сыра сломался, в руке осталась только половина* (Е. Замятин). Речевая модификация семного конкретизатора “составная часть” в рамках семантического признака “часть целого”, поддержанная вербальной экспликацией.

Объём лексических пластов, участвующих в семантических процессах, является показателем результативности взаимодействия разных систем, что позволяет говорить о трёх видах таких взаимодействий: единичном, групповом, полевом. Если с ядерной областью ЛСП партитивной лексики пересекаются отдельные лексические единицы, то с периферийной областью взаимодействуют многочисленные пласты лексики разных объёмов. Проанализированный языковой материал в достаточной мере подтверждает тезис о том, что именно периферийные участки лексики наиболее наглядно свидетельствуют о своеобразном проникновении одних слоёв лексики в другие.

Показательно, что в целом центробежный и центростремительный процессы представляют собой два симметричных семантических процесса не только по направленности, но и в содержательном плане. Так, центробежный процесс приобретения партитивами значения целостности имеет антипод в центростремительном процессе приобретения целыми объектами действительности значения партитивности; центробежный процесс образования в семной структуре партитивов значения количества и неопределённого множества сопровождается центростремительным процессом образования в семной структуре конститuentов поля количества и образов множества значения партитивности; центробежный процесс внесения в семемы партитивов модифицированного значения “составная часть” противопоставляется центростремительному процессу внесения в

семемы со значением “составная часть” модифицированного значения “партитивная часть”. В какой-то степени близки центростремительный и центробежный процессы приобретения разными словами окказиональных партитивных значений и приобретение партитивами различных значений посредством фразеологизации словосочетаний, содержащих в своём составе партитивную лексику. Нет обратного аналога у центробежного процесса образования переносных оценочных значений, денотаты которых отражают психологические качества человека.

Выводы. “Вертикальные” семантические процессы обуславливают различную глубину пересечения элементов ближайших микросистем, создавая сложную сеть взаимоотношений. Устойчивость и симметричность большинства внешних семантических процессов указывает на диалектичность связей между посредствующими фрагментами языка, а также позволяет прогнозировать возможные семантические инновации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобина Л.В. Принципы моделирования лексико-семантического поля партитивной лексики / Л.В. Глобина // Вісник Запорізького національного університету. Серія: Філологічні науки. – №2. – 2005. – С. 21–27.
2. Глобина Л.В. Полевая модель сочетаемости в практике преподавания русского языка как иностранного в медицинском вузе / Л.В. Глобина // Вісник Дніпропетровського університету. – №11. – Том 21. – 2013. Серія: Мовознавство. – Вип. 19. – Т. 2. – С. 36–41.
3. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
4. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.